

Валерий Казаков

*СТРАНА
ЧУЖОЙ
ЖИЗНИ*

с юмором о грустном

Валерий Казаков

**Страна чужой жизни.
С юмором о грустном**

«Издательские решения»

Казаков В. Н.

Страна чужой жизни. С юмором о грустном /
В. Н. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855331-8

В новой книге собраны ироничные рассказы о русской провинции, где обычные люди попадают в нелепые ситуации не по глупости своей, а в силу особых условий жизни, так характерных для малых городов нашей необъятной страны.

ISBN 978-5-44-855331-8

© Казаков В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Некрасивый гений	6
Слава	15
Влад и Вера	18
Признательность	20
Заувея	21
Я работаю бухгалтером	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Страна чужой жизни С юмором о грустном

Валерий Николаевич Казаков

© Валерий Николаевич Казаков, 2017

ISBN 978-5-4485-5331-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Некрасивый гений

Как-то по глупости я отнес свои стихи в ленинградскую газету «Смена». Честно сказать, я ни на что особо не рассчитывал. Но неожиданно мне пришло приглашение посетить «Литературную пятницу» – некий творческий клуб при газете, где мои стихи смогут обсудить начинающие поэты.

Была поздняя осень, на улице Мира было сыро и холодно. С Финского залива дул пронзительный ветер. Настроение у меня было паршивое, но вместе с тем какое-то слегка приподнятое волнением будущей встречи. А вдруг это важный шаг в моей тревожной творческой жизни. Переломный момент. Важная веха.

Серое здание редакции я запомнил плохо. Помню только, что никаких вахтеров и охранников тогда ещё не было.

Где-то на первом этаже меня встретила старенькая сгорбленная гардеробщица и, молча, приняла из моих рук мокрый плащ. Потом как бы между делом спросила:

– Пишите?

– Пишу, – ответил я и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Там свернул по коридору налево. Коридор был залит тусклым желтоватым светом. Стены тоже были какие-то желтоватые и тусклые. Справа и слева проплывали высокие светло-серые двери.

Шел 1976 год. Я шагал по коридору редакции молодежной газеты «Смена». Мне нужно было найти кабинет под номером двенадцать.

Найдя нужную мне дверь, я неуверенно взялся за металлическую ручку и потянул её на себя. Дверь со скрипом отошла в сторону. В плохо освещенном кабинете я увидел продолговатый стол, который плотно окружали будущие поэты. В центре стола восседал щупленький немолодой и некрасивый человек, у которого косил один глаз.

Я поздоровался, поэты дружно ответили мне и как по команде отвернулись. Человек за столом стал что-то говорить. Он говорил очень тихо. При разговоре его левый глаз косил ещё больше. Это было заметно даже под толстыми стеклами очков.

Люди за столом обсуждали чью-то рукопись.

– Стихи крепкие, – глуховатым голосом говорил руководитель семинара, – но образность языка явно хромает. И запоминающихся метафор маловато... Их почти нет. Нет ярких сравнений... Может быть, послушаем кого-нибудь ещё. Как вы считаете?

– Послушаем, – хором отозвались начинающие поэты.

После этого один из присутствующих, с характерным звуком отодвигая стул, вставал, представлялся и начинал читать свои стихи. Я заметил, что все молодые авторы читают свои произведения очень убедительно. Мне показалось даже, что порой это чтение говорит о поэте больше чем его стихи. Какую-нибудь ерунду нервный и нескладный графоман может прочесть так, что мурашки пойдут по коже. Волосы на затылке начнут шевелиться. До того он становится артистичен в этот момент.

Например, однажды я услышал вот такое стихотворение. Его читал лысый дядька, которому было далеко за сорок и назвать его молодым поэтом язык не поворачивался:

*Я отражаюсь в твоих глазах,
ты – в моих, если очень близко.
Свечи светятся в образах,
словно в заводи серебристой.*

*Липы тонут среди болот,
реки тучи уносят к морю.
Только в сердце – наоборот —*

болью скажется то, что скрою.

*Только мысли, которым нет
места малого на странице,
отражают полночный свет
у реальности на границе.*

*Отражения как мираж,
без оков повседневной скуки.
Проплывающий Эрмитаж
лиц, событий, душевной муки...*

*Отражения наготы
тайн, сроднившихся как семья.
Тайна главная – это ты.
Отражение – это я.*

Как только он прекратил чтение, на молодого поэта, как по команде, набросилась вся пишущая ватага. Среди них выделялся один очень вертлявый тип, которому не нравилось абсолютно всё. При разговоре у него невпопад пошевеливались руки и плечи, голова и шея, даже ноги начинали выделять какие-то кренделя. Этот человек, скорее всего, не смог бы разглядеть таланта даже у Блока, которого я в то время боготворил.

– Это не стихи, – тут же начал громко рассуждать витиеватый критик. – В ваших стихах нет ясной темы. Сплошные ассоциации и условности... Что хотел сказать этими стихами автор, совершенно не ясно. Липы, свечи, отражения – всё смешалось. Последовательного ряда событий не получилось. Его не видно. И...

– Ну, допустим всё не так плохо, как вы говорите, – попытался остудить его пыл руководитель литературного семинара. – Мне, например, несколько четверостиший представляются весьма убедительными. А особенно последнее... В нём что-то есть. «Тайна главная – это ты. Отражение – это я». По-моему, хорошо. Передайте мне это стихотворение, пожалуйста.

Польщенный таким вниманием, начинающий поэт стихотворение передавал. При этом у него было лицо победителя. Руководитель семинара брал лист со стихами и аккуратно укладывал в папку для бумаг. Потом поднимал карандаш и спрашивал:

– Как ваша фамилия?

– Чиграков Федор Алексеевич, – отвечал начинающий поэт.

– Где трудитесь?

– На заводе имени Жданова.

Потом читал стихи другой начинающий поэт, которому на вид было лет около пятидесяти. Следом за ним ещё один упитанный и русоволосый тип, у которого голос дрожал. В его стихах были такие слова: «Художник словно глассер над зыбкой гладью вод». Стихи были посвящены яркому представителю французского импрессионизма и заканчивались образной строкой о том, как «бесилась и лессировала кисть Дега».

Когда упитанный поэт закончил читать свои стихи, откуда-то сбоку поднялась такая же упитанная темноволосая дама и стала говорить о стихах блондина, как о новом явлении в русской литературе. Она говорила долго и убедительно, пока руководитель семинара не уличил её в сговоре с автором. Он сказал:

– Вы, кажется, вместе пришли, молодые люди?

Молодые люди не стали отрицать данного факта, но сказали, что не видят в этом ничего странного. Тогда руководитель семинара снова спросил:

– А ваши стихи не печатались раньше где-нибудь ещё? Те, которые про художника.

– Нет, – уверенно ответил автор.

– Значит, вы думаете, что мы других газет не читаем? Только «Смену». Плохо вы нас знаете, молодой человек, – укорил начинающего поэта член редакционной коллегии. – Буквально месяц назад я что-то подобное уже читал в одной из центральных газет. Во всяком случае, это стихотворение про художника я запомнил хорошо...

– Ну, может быть... Но там другая подборка была. С другими стихами.

– Вот видите... Обманывать нехорошо...

Потом свои стихи читала какая-то девушка в шелках и шляпе. Её стихи были плохими и читала она их ужасно, зато жестикулировала при этом, как настоящая актриса. Каждое движение её свободной руки было таким многозначительным, таким исполненным блеска, что завораживало. Тем более что рука эта летала у меня перед носом. Это была немая пьеса. Балет. Одухотворенная пластика.

За ней кто-то ещё читал. В общем, всё было неплохо и нехорошо. Как-то средне. Некоторые строки цепляли меня за живое, а некоторые пропадали в нагромождении рифм и при этом оставляли меня совершенно равнодушным...

Через какое-то время взоры присутствующих обратились ко мне. Я был в этой компании новым человеком. Чем-то загадочным и незнакомым.

– Может быть, вы нам что-нибудь прочитаете? – предложил мне лысеющий руководитель семинара.

Сердце мое учащенно забилось. Вот он, мой звездный час, час обретения славы. Завтра мои стихи напечатают в популярной молодежной газете, послезавтра прочитают по радио. А потом можно будет задуматься о первой публикации в толстом журнале «Нева», о первой книге в московском издательстве. О приеме в Союз Писателей. Чем черт не шутит.

Я медленно поднялся со стула. Представился. Осмотрелся. Увидел много любопытных глаз, на меня устремленных и... И тут неожиданно осознал, что забыл всё, что до этого момента прекрасно помнил. В моей голове вдруг сделалось совершенно пусто. Дружная компания поэтов смотрела на меня удивленными глазами. Глазами полными ожиданий и надежд. А я стоял и, молча, краснел.

Черт возьми! Только этого мне не хватало!

Не знаю, сколько это продолжалось. Может быть, минуту, может, несколько секунд, может вечность...

И тут я вспомнил, что прихватил с собой несколько тетрадных листов со стихами на всякий случай. Судорожно сунул руку в карман пиджака и вытащил свои помятые листы. Да вот же они. Вот. Сейчас я прочитаю им что-нибудь неожиданное. Сейчас. Я пробежал глазами свои корявые строки на одном листе, потом на другом. Всё было не то и не к месту. Ну что же это такое, на самом деле...

И вот, наконец, я нашел то, что нужно.

– Вечер в России, – громко отчеканил я.

– Ну—ну! – хмыкнул кто-то у меня за спиной.

Я стал читать. А когда я читаю свои стихи – я плыву по волнам поэтического слова, поднимаясь всё выше и выше. И для меня уже не имеет значение смысл стихотворения. Не имеют значения глаза людей, скрип стульев, вдохи и выдохи. Ничего не имеет значения. До такой степени меня захватывает музыка слова, его магическое звучание.

Вечер, – громко начал я, —

пюпитры столбов вдоль дороги,

ветер играет навязчивый блюз,

а на бугре березняк длинноногий —

листьев и снега нежданный союз.

*Как это всё повторяется странно,
словно один нескончаемый сон,
где всё расплывчато, где всё туманно.
Скрипка звучит, ей – труба в унисон.*

*Кто там не спит, утонувший в тумане?
Чей там горит одинокий фонарь?
Темным пятном в голубом океане
птица вычерчивает диагональ.*

*Крикнула что-то – мурашки по коже.
Снег растворяется в сумерках дня.
Как это всё на Россию похоже,
как это всё раздражает меня.*

После моего чтения была длинная пауза... Молчал даже доморощенный критик с нахальными глазами. Но я уже чувствовал, что в этом молчании что-то сгущается, что-то таится. Мои стихи были очень искренними, очень музыкальными, но они явно не подходили для газеты, которая принадлежит центральному органу ВЛКСМ. И для чего только я выбрал именно это стихотворение? Сам не знаю. Там дальше, в моей рукописи, были вполне приличные стихи о природе. Да и те, которые я вчера ещё знал наизусть, тоже не имели идейной подоплеки.

– Ну, знаете! Вы удивили нас, – сказал лысый дядька, который читал стихи до меня. – Так написать. Знаете... Это надо же... Так написать...

– Чем же вам Россия не нравится? – перебила его чернявая длинноносая поэтесса, которая сидела у окна и только сейчас оторвалась от созерцания своего отражения в темной раме. – Родина раздражает его. Видите ли... Да это же диссидентство в чистом виде! Вы хоть понимаете, что вы тут прочитали? На что замахнулись! Что за пасквиль такой сочинили.

– Это просто... просто стихи, – промямлил я.

– Учтите, молодой человек. Просто стихи, это когда вы их читаете в семейном кругу своим друзьям, а когда в газету предлагаете. Это уже не просто стихи, а обращение к народу. Вы что, с такими стихами хотите к народу обратиться? Рассказать нам о том, как вас Россия раздражает? Тогда уезжайте к себе в Израиль.

– Ну, вы тоже тут, знаете ли, – остановил поэтессу руководитель семинара. – Причем здесь Израиль, не понимаю? Надо говорить по существу. По существу говорите. Если у человека темные кудри, это ещё ни о чем не говорит.

– А что тут говорить. Гнать его надо отсюда в три шеи. Я тут от станка, от завода второй год хожу. У меня все стихи на производственную тему. И меня не печатают тут, – закричал молодой человек квадратного вида. – А этот хлыщ только пришел – уже Россию клеймит. Ярлыки разные навешивает на неё. Да с такими надо по-мужски разбираться! Вот и всё! По-мужски, по-нашему, – закончил он, закатывая рукава клетчатой рубахи.

– Ну, вы тоже хороши... По-мужски, – приструнил заводского поэта сухощавый руководитель. – Может быть, у него есть более удачные произведения. Почитайте ещё что-нибудь, молодой человек. Почитайте... Человек растерялся, а вы на него набросились. Нехорошо. Нехорошо получилось.

– А я предлагаю не давать ему слова, – продолжил кричать представитель заводской молодежи. – «Смена» – это моя газета... А этот пусть идет со своими стихами к чертовой бабушке. Меня не печатают тут, а его просят почитать ещё. Вот ведь...

– Пусть ещё прочитает.

– Пусть идет. Ему тут не место.

– Ну что вы, на самом деле. Человек в первый раз пришел.

Я в это время лихорадочно икал в своей рукописи какое-нибудь более достойное стихотворение. Были же у меня стихи совершенно нейтральные, про весну, про то, как желтой свечой возносится над Петропавловской крепостью золотой шпиль.

– Пусть почитает.

– Пусть идет. Нас не печатают, а он тут лезет, – продолжали галдеть молодые поэты.

Ну вот, кажется, нашел. Называется «Над холмами». Хотя я уже толком не помню, о чем оно, но начало, кажется, хорошее.

Я делаю глубокий вздох и начинаю читать. Я плыву по волнам стиха. Ритм меня завораживает, уносит куда-то далеко, далеко. И снова мне уже не важен смысл стихотворения. Я наслаждаюсь его музыкой и ритмом, его звучанием в этом пустом полумрачном зале, в этом алькове будущей славы.

*Над холмами, возникающими из пустоты,
здесь всегда возвышаются елей кресты.
И повсюду кристальная снежная пыль.
Здесь сугробы годов утрамбованы в быль.*

*Здесь мольбы затихают под толщею льда,
и словесная льётся с экранов вода.
Уплывают кораблики под мосты
и на мачтах покачиваются кресты.*

*Птицы вороны здесь на закате парят,
от деревьев прочерчивая диагональ,
словно речку подпитывает мистраль
и не мерзнет она много лет подряд.*

*Заплутав в холмах, как мужик хмельной,
ищет речка к заводи путь прямой.
Но не встретишь в России прямых путей,
снег в России обманчив, как мавзолей,*

*где хранится тот, чей священный прах
нам оставил родину всю в крестах...
Ты не умер ещё, но уже воскрес
и в подарок тебе – на пригорке крест.*

Я закончил чтение. И в ту же секунду осознал, что совершил ещё одну ошибку. Эта ошибка может стать роковой. Сейчас меня уже не будут ругать, меня просто убьют. Я что-то снова напутал. В том стихотворении, которое я хотел прочесть, над холмами поднимется солнце. Черт возьми! Черт возьми! Что сейчас будет?!

– Ну всё! Мое терпение лопнуло, – закричал заводской поэт, поднимаясь со стула. – Держите меня, а то я ему в нос дам. Меня не печатают. Рабочий класс унижают, а эта тварь советскую власть позорит. На Ленина бочку катит. Держите меня!

– И зачем он сюда приперся, не понятно?!

– Кто его пустил?

– Гнать его!

– В шею гнать!

– Дайте я ему в нос дам. Потом выгоним. Дайте мне...

– Да уймитесь вы! А вы, молодой человек, шли бы на самом деле от греха подальше, – посоветовал мне руководитель семинара. Он говорил мне это с серьёзным видом и каким-то непонятным холодным лицом. Его взгляд был направлен не на меня, а мимо.

– Шли бы вы на самом деле, – повторила слова руководителя длинноногая поэтесса.

– А, может, я ещё прочитаю, – промямлил я. – У меня есть...

– Ну всё! Конец ему, – заорал откуда-то с боку заводской поэт.

– Надо милицию вызвать, – завершала длинноногая. – Таких надо сразу на Соловки. Пока они революцию не устроили. Пожар не раздули.

Мне ничего не оставалось, как поспешно ретироваться.

Я быстро направился к двери и в это время у себя за спиной услышал, как со своего стула поднимается кто-то ещё. Ну, знаете этот звук, когда стул отодвигают.

Я испуганно обернулся, предполагая, что это заводской громила хочет меня догнать и надавать по загривку. Но увидел совсем другое.

Следом за мной шла белокурая некрасивая девушка с голубыми глазами. Она была небольшого роста, курносая, одетая во что-то серое и невзрачное. Её стихов я не слышал. Я вообще не обратил на неё внимания. Мне даже показалось, что до этой минуты в просторном кабинете её не было вовсе.

Я быстро вышел в коридор редакции. Оглянулся. Девушка в серой кофте шла за мной. Немного задержавшись возле гардеробной, я поспешил на улицу. На улице снова оглянулся. Девушка шла за мной. Я свернул налево, девушка свернула тоже. Я решил, что она тайный агент КГБ и мне от неё просто так не улизнуть. Под серым плащом у неё натренированное тело. В сумочке – пистолет Макарова. В моем положении надо действовать как-то иначе.

Ещё через несколько метров я остановился. Будь, что будет.

Она подошла и взволнованным голосом, не глядя мне в глаза, проговорила:

– А мне ваши стихи очень понравились.

– Чем? – хмуро ответил я, предполагая, что она таким образом хочет втереться ко мне в доверие.

– Они правдивые.

Потом несколько минут мы шли молча. Я не знал, что ей ответить, она не знала, как продолжить разговор. Наконец, она предложила:

– А хотите я вам свои почитаю?

– Читайте, – согласился я, рассчитывая, что стихи у неё плохие. Для неё это повод наладить разговор. Завязать знакомство. Вот и всё. Но она почему-то долго молчала. То ли из-за того, что ей мешал ветер, то ли просто подбирала стихотворение, которое прозвучит в осенней темноте более уместно. Наконец, она заговорила:

Картина мира выглядит непросто.

Она порою скроена убого.

*Но на картине девочка – подросток,
чей взгляд непритязателен и робок.*

Серов или Репин, нам какое дело,

кто подарил ей пагубную славу.

*Она смотрит светло и неумело
на древнюю печальную державу,*

*где паруса надежд всегда надуты
очередным нелепым искушеньем,
где, лязгая, смыкаются редуты
перед большим бессмысленным сраженьем.*

Она не остановит этой смуты,

она привыкла видеть мир иначе.

*Но знаю я, что каждую минуту
она осознает, что это значит.*

Не потому, что сердце неумело колотится под платьищем убогим,

а потому что в юности несмелой

ничем не провинилась перед Богом.

Её не знали Павел и Иаков.

Ей не читал никто святых писаний.

*Но отчего-то ей хотелось плакать
у царских врат в годину испытаний.*

Надо честно признаться, её стихи меня удивили. И одновременно обескуражил голос. Этот голос был глухим и монотонным, как ветер. В нем совершенно не чувствовалось ни акцентов, ни четкого ритма, ни продолжительных пауз в нужных местах. В нем не ощущалось даже потребности произвести нужное впечатление. Она не пыталась преподнести свои стихи как-то по-особенному. Она их бубнила. Иначе не скажешь. И это были её стихи. Никогда раньше я таких не читал и слышал.

Девушка продекламировала мне одно стихотворение, за ним другое, третье. Её голос был едва различим в ветреной ночи, но я почему-то понимал каждое её слово. Мне даже ветер не мешал...

И ещё она была очень не похожа на свои стихи. Просто поразительно не похожа. Я ожидал услышать от неё нечто посредственное, нечто привычное, а тут была явная перекличка с любимым мной Блоком. Было что-то таинственное и завораживающее. Что-то манящее и мистическое.

Потом она читала ещё, и я всё отчетливее понимал, что встретил настоящего поэта. Это было совершенно не похоже на то, что мне приходилось читать в толстых журналах и газетах той поры. Она не стремилась никому подражать, ни под чей вкус подстраиваться. Она в каждом стихотворении была сама собой, сама по себе.

По улице Мира какими-то мрачными дворами мы вышли на Петроградский проспект к Большой Невке. Мне с детства нравилось бродить по берегу реки, вдоль водного пространства.

Стихи закончились, и я решил спросить у неё.

– Как вас звать?

– Наталья, – скромно ответила она.

– А фамилия?

– Ленская.

– У вас прекрасные стихи. Они особенные. Таких я давно не слышал.

– Я знаю. Только никто мои стихи не воспринимает всерьез. Никто не печатает. Особенно о любви. Видимо, моя внешность с такими стихами не гармонирует.

– Почему вы так говорите?

– Я некрасивая, – как-то очень буднично ответила она.

Я удивленно посмотрел на неё с боку и замолчал. Для чего она мне это сказала? Для меня её внешность большого значения не имеет. Это вовсе не важно. При тусклом свете уличных фонарей Наталья выглядела старше своих лет. У неё были светлые брови, светлые ресницы и тонкие губы. Под большим носом – густая тень. Ну и что? Какое отношение это имеет к поэзии?

Я прошел ещё несколько метров и неожиданно понял, что ошибаюсь. Внешность для поэта имеет значение. Потому что стихи Блока или Есенина воспринимались бы по-другому, если бы их написали невыразительные личности. Люди с привычной внешностью, серые, незаметные, некрасивые. Есть какая-то связь между красивыми стихами и притягательной, запоминающейся внешностью автора. Но мне не хотелось признаваться в этом Наталье. Я прошел ещё несколько метров и вдруг сказал:

– А для меня внешний вид не играет большой роли. Для меня важнее талант.

– А я не согласна, – пробубнила Наталья. – Когда начинают рассказывать про Ахматову, почему-то всегда вспоминают, какой она была в молодости. Когда её Модильяни рисовал. Как она была тонка и изящна. Какой у неё был профиль. Какой нос. Если это не имеет значения, почему тогда все об этом вспоминают?

– Для меня это не важно, – снова солгал я.

– А для меня важно, – проговорила Наталья.

Ну как ей доказать, что она заблуждается? Вот возьму сейчас и поцелую её. Не хочется, но поцелую, потому что так надо. Только нужно, чтобы это получилось как бы случайно. Этак легко и непринужденно, как дуновение ветра. Если она работает в КГБ – она этого не поймет. А если поэт – оценит.

– Наталья?

– Да.

Она повернула ко мне лицо. Я ловко наклонился и чмокнул её в холодную щеку.

– Зачем? – спросила она.

– Просто так. Мне нравятся ваши стихи, – сказал я первое, что пришло мне в голову.

– Нет, – для чего-то пробубнила она. – Не надо так.

– Почему?

– Мы едва знакомы.

– Но вы для чего-то пошли за мной?

– Мне просто захотелось сказать вам пару ободряющих слов. Захотелось правду сказать. Вас несправедливо обидели... Вы, наверное, расстроились. А я уже привыкла. Я два года туда хожу. Меня всё ругают, ругают. Я к этому привыкла уже. А вы...

– Что?

– С такими чертами лица, – продолжила она. – Нет. Больше так не делайте. Мы с вами разные люди. У вас такие волосы. Вьются. И глаза, как у Левитана... А я. Я всё понимаю про себя. Но стихи писать не брошу. Никто меня не заставит. И о любви буду писать. Обо всем. Для меня запретных тем нет. Только жалеть меня не нужно.

И она посмотрела на меня так, как смотрит мать на ребенка.

Больше я с ней не встречался.

Через десять лет она стала известным поэтом, членом редколлегии популярного московского журнала, лауреатом разного рода премий и наград. Кажется, написала какой-то известный сценарий для фильма о Пушкине.

Не так давно я послал ей большое письмо с воспоминаниями и стихами. Она не ответила. Значит, всё у неё хорошо.

Слава

Художник Владимир Косогоров с давних пор жил на улице Грибоедова, рядом с большим нарядным гастрономом, в котором с его нынешним заработком можно было приобрести только дешевую колбасу да черный хлеб. Окна его комнаты выходили в небольшой сквер, чем-то напоминающий хорошо утоптанную клумбу с одиноко торчащим кленом в центре её и покосившейся железной оградой по бокам. В этом сквере художник часто видел веселых детей в ярких штанишках и кофточках, медлительных бабушек в тёмных пальто и вечно пьяного слесаря Прохора, от которого за версту несло одеколоном «цитрусовый».

Глубоко в душе художника жила тайная надежда, что в городском Отделе Культуры вскоре вспомнят про него и сделают заказ на большую и дорогую картину. Художник много лет мечтал нарисовать что-нибудь стоящее. Что-нибудь возвышенное. А пока он вынужден был малевать бесчисленных голых баб и продавать их в одном вонючем закутке на местном базаре, где всегда обитала отборная шушера.

Обнаженные женщины были его давней страстью, с того самого времени, когда он почувствовал себя настоящим мужчиной. Эта страсть вошла в него вместе с порнографическими фото из иностранных журналов, рассказами бывалых ловеласов, вместе с давним увлечением стихами и модной западной музыкой.

Признаться честно, художник терпеть не мог старых дев и разного рода глуповатых скромниц, которые научились держать свою страсть взаперти. Он привык жить открыто и бесцельно. Его всегда окружали какие-то нетрезвые, но веселые женщины: бывшие актрисы, начинающие писательницы и преуспевающие проститутки. Он обожал женскую распушенность, заводную громкую музыку и вольный ветер бродяжничества. Неожиданно для себя он полюбил эту барскую вольную нищету, при которой откровенное тунеядство воспринимается как некий протест против серого нагромождения обыкновенной мещанской жизни.

В далекой юности эта самая жизнь была к нему благосклонна. Он с отличием окончил институт имени Мухиной и порой чувствовал себя в кругу бомжеватых друзей настоящим академиком живописи. В силу этого иногда в пьяном виде Владимир представлял себя художником значительным, если не сказать, великим. А так как все по-настоящему великие люди становятся известными только после смерти – нашего художника, как водится, не понимали.

И вот пришли иные времена. Началась перестройка. И сразу же перед Владимиром Косогоровым открылись немыслимые до селе перспективы. Его вдруг оценили. Его увидели. Им стали интересоваться. Дошло до того, что Союз Художников решил организовать персо-

нальную выставку его работ. Это был, по их мнению, прогрессивный и демократичный шаг. Шаг навстречу новым веяниям.

Владимир с энтузиазмом откликнулся на предложение товарищей по цеху и за месяц до выставки успел нарисовать два десятка вполне приличных картин, воспевающих родную землю, её восходы и закаты, дремотные леса и синие ультрамариновые реки. На новые картины ушло несколько килограммов отменных цинковых белил, большое количество тюбиков кадмия лимонного, кобальта зеленого и охры светлой.

Выставка проводилась в конце сентября. Клены на улице Грибоедова в ту пору стояли ещё на половину зеленые, но солнце было уже не таким ярким, как раньше, а серая кисея облаков ранним утром надолго затеняла горизонт.

Многочисленные картины Владимира Косогорова были доставлены в огромный выставочный зал Союза Художников и аккуратно разместились там по высоким стенам. Но как не пытался Владимир придать своим картинам впечатление чисто художественной ценности, это у него не получилось. Потому что все его пейзажи разместились на одной стене зала, а три другие стены заняли обнаженные женщины на зелёном, голубом и фиолетовом фоне.

Женщины на картинах Владимира Косогорова были, что называется, на любой вкус: тощие и толстые, розовощекие и бледные, высокие и не очень, улыбающиеся и грустные, вальяжно лежащие в постели и идущие зрителю на встречу, сидящие на кушетках, стульях, диванах и утопающие в шелковых простынях. Полуодетые, нагие, слегка прикрытые воздушными сорочками, пеньюарами, туниками. Глядящие с любовью, с вызовом, с мольбой. Охряные, бирюзовые, с оттенками сиены и умбры на округлых боках. Все эти женщины выглядели вызывающе колоритными, были как-то непривычно раскрепощены и в то же время роскошны.

В общем, на признанных авторитетов живописи выставка произвела неприятное впечатление. Один из них так высказал свое отношение к картинам Владимира Косогорова.

– Сплошные голые задницы. Но публике это почему-то нравится. Даже странно, как быстро одичал народ.

– Да – да, вы правы, подобные картины разрушают нравственность, размывают идеалы настоящего искусства, – вставила свою реплику одна престарелая служительница вернисажа, нервно помахивая веером.

– Не во время всё это, не во время, – резюмировал авторитетный ценитель живописи.

Как назло Владимир Косогоров находился поблизости и слышал всё. После этого он, осторожно ступая, отошел в сторону от ценителей живописи. Приглушая внутреннее волнение, прогулялся по переполненному залу и присел на пустующий стул рядом с лучшей своей картиной, на которой обнаженная женщина была изображена в виде юной нимфы выходящей из синеватых зарослей цветущего бересклета. Её золотистые волосы крупными волнами скатывались до плеч, а матовое и гибкое тело казалось поразительно гладким, теплым и манящим. Люди подолгу задерживались возле этой картины. И некоторые из них настолько проникали в её содержание, что порой высказывали своё отношение к ней, похожее на восторг, называя женщину, изображенную на картине то мадонной, то богиней, то воплощением соблазна. Оказавшись под впечатлением их восторженных отзывов, Владимир Косогоров поворачивал голову и так и этак, надеясь увидеть нечто значительное в этой своей картине. Но, сколько не приглядывался к ней, сколько не вертел головой, выискивая нужный ракурс, – вынужден был признать, что это вовсе не мадонна, не богиня, а обыкновенная голая баба – профессиональная натурщица, которую он хорошо знает и с которой не раз выпивал.

И всё же выставка Владимира Косогорова имела неоспоримый успех. Через какое-то время в просторный зал Союза Художников валом повалил народ. В основном это были молодые люди и зрелые сорокалетние женщины, которые пришли посмотреть как бы сами

на себя, но со стороны чужими глазами. Всем этим зрителям нравилось восторженное отношение художника к женскому телу. Они называли Владимира певцом истинной красоты, поэтом чувства, философом настоящей любви. Было видно, что эта наивная публика давно соскучилась по простому и зажигательному женскому телу, которое по сути своей трогательно и незащищено.

В силу сложившихся обстоятельств, Владимир Косогоров вознесся на волне славы так высоко, что им заинтересовалось местное телевиденье. Но как не пыталась съемочная группа во главе с опытным оператором снять самые безобидные полотна – на экране отснятый материал почему-то проявлял себя слишком ярко и слишком эротично. А эта выпирающая отовсюду эротичность, никак не сочеталась с пуританской философией местной интеллигенции и суровыми взглядами руководителей городка. Поэтому отснятый материал нещадно резали, клеили и резали вновь, пока на пленке не осталась всего одна тощая слегка синеватая женская задница, отдаленно напоминающая куриную. Такое показывать по телевидению было попросту неудобно. Тем более что и качество фотосъемки оказалось не самым лучшим...

Но вопреки всему о Владимире Косогорове заговорили. О нем стали писать в местных газетах. Его картины люди начали раскупать за приличные деньги с фантастической быстротой. Иметь в доме картину Владимира Косогорова стало признаком хорошего тона.

Кто-то из журналистов заразился всеобщим энтузиазмом так, что в очередной статье назвал Владимира родоначальником нового направления в современном искусстве, где целомудрие и нравственность уже не играют никакой роли, где превыше всего ценится только полная свобода художественных форм. Его стали приглашать для публичных выступлений в школы и техникумы, в библиотеки и Дома культуры, на промышленные предприятия и в больницы для наркоманов.

Владимир никому не отказывал. Он знал, что слава просто так не приходит, за настоящее признание надо бороться. Надо быть человеком публичным. Но, оставшись наедине с самим собой, он всё же не мог как следует понять, что с ним произошло за последнее время, что случилось? Ведь он рисовал этих самых голых баб уже лет двадцать. Он продавал их на местном базаре по выходным дням в самых неприглядных местах, где обитала отборная «шушера». И вот в одночасье он стал знаменитым человеком. Его называют гением, к его словам прислушиваются, в его картинах ищут тайный смысл.

Неизвестно как сложилась бы его судьба в дальнейшем, если бы однажды вечером он не погиб от разряда статического электричества, когда снимал через голову черный китайский свитер... Потом его знакомые говорили, что видимо не зря с раннего детства Володя так не любил черный цвет и «Черный квадрат» Малевича. Это было некое предзнаменование, тайный знак, которого он инстинктивно страшился, но уберечься от него почему-то не смог.

Влад и Вера

Влад весной вернулся из тюрьмы. Он был черен, худ и подавлен неожиданно свалившейся на него свободой. Его приняла к себе сорокалетняя бездетная вдова, которая каждый год неудачно выходила замуж. Вдова отогрела Влада, откормила, а потом стала приучать к работе в саду и огороде, намереваясь создать с ним нормальную сельскую семью.

Влад вытерпел неделю, а потом спросил:

– Ты мне скажи Вера, кто тебе нужен? Мужик в доме или конь в огороде?

– Мужик, – ответила Вера, не чувствуя подвоха.

– Тогда отпусти удила. Не наседай, – пояснил Влад.

И Вера насесть не стала, решила, что Влад ещё не отдохнул, как следует после отсидки, не набрался сил, не надышался воздухом долгожданной свободы. Стала печь ему блины, варить щи из баранины, котлетами угощать. Влад после этого поправился, округлился, порозовел. Немного погодя, Вера нашла подходящий момент и как бы между делом сообщила ему, что к ним в школу, где она работает поваром, понадобился тракторист. Продукты в школьную столовую возить, детей обучать вождению, кое какие хозяйственные дела на досуге исполнять.

– Не тяжелая работа, тебе понравится, – заверила Вера с улыбкой.

Влад немного помолчал, потом отвернул лицо в сторону и с явным недоумением спросил:

– Тебе, Вера, мужик нужен в доме, или механизатор на тракторе?

– Мужик, – снова ответила Вера.

– Тогда не доставай.

– Но, как же без работы-то на селе? – не поняла Вера.

– Вот освоюсь, присмотрюсь, что к чему – потом определюсь.

И Вера доставать не стала, не такая она женщина. Только после этого разговора на других деревенских мужиков стала поглядывать с тоской. Вот, например, у соседки бухгалтерши муж – с машиной, каждый день на работу ездит, все в дом, все в хозяйство, как положено. У другой соседки муж ветеринар. У него тоже все есть. Он каждый день с колхозной фермы привозит что-нибудь. То молоко в бидоне, то обрезок трубы, то дохлого поросенка для собаки. Хозяйственный человек, запасливый, с хорошей закваской. А Владислав после тюрьмы никак отойти не может. То ему не подходит, это не нравится. Непонятно, как ему угодить?

Однажды Вера забылась и позвала Влада в сад, помочь обработать яблони от плодовой жорки. Плодожорки развелось в саду как демократов в России. Влад посмотрел на Веру удивленными глазами, потом отвел взгляд и спросил с привычным нахальством:

– Тебе, Вера, мужик в доме нужен или садовник в огороде?

– И мужик, и садовник, – нашлась на этот раз Вера.

– Нет, Вера, – не согласился Влад, – ты как-нибудь определись. Выбери что-то одно.

– А если и то и другие сразу? – снова нашла нужные слова Вера.

– Так не бывает.

– У людей бывает, – снова выпалила Вера, – а у нас почему-то, нет. Вон у соседей мужья везде успевают. И на работу сходить, и в саду поработать, и в доме порядок навести. А у тебя кругом одни проблемы.

И все же Вера не стала слишком сильно надоедать новому ухажеру. Решила подождать еще немного. Может быть, он сам опомнится, сам определится. Ведь с виду-то он человек приличный, совсем такой же, как все нормальные мужики в округе, только в голове у него засело какое-то непонятное упрямство.

Но время шло, а новый муж все также продолжал сидеть у Веры на шее. Говорил, что ему надо отойти душой от темного прошлого, надышаться чистым воздухом, привыкнуть к нормальной жизни. Вера ждала, ждала, но однажды не выдержала. Влетела в дом с улицы вся грязная после прополки гряд, лохматая, потная, некрасивая. И прямо от порога закричала:

– Я тебе кто? Кто я тебе, баба или кобыла водовозная?

– Жена, – растерянно проговорил Влад, сонно поднимаясь с дивана, – баба.

– А кто тебе нужен?

– Как это? – не понял Влад.

– Тебе баба в доме нужна или дворовая работница, рабыня бессловесная?

– Баба, – невпопад ответил Влад.

– А коль баба, почему я всю работу должна тащить на себе? При живом-то мужике.

Влад во время не нашелся, что ей ответить. А она между тем продолжила:

– Ты всё говорил, чтобы я определилась, кто мне нужен. Так вот, я определилась.

– Как? – удивленно произнес Влад, выпучив глаза.

– А вот как! Я поняла, что мне такой мужик не нужен, который весь день на диване возле телевизора лежит. Ни коня из него не получится, ни тракториста, ни садовника. Уж лучше мне одной барахтаться, чем тебя на шее тащить.

И после этого выставила Влада за дверь... Это было не так трудно сделать, потому что у Влада кроме штанов да рубахи ничего при себе не было. Собирая пожитки, он растерянно бормотал:

– Ты Вера подумай, ты определись. Может быть, тебе всё же муж нужен? Я даже могу пойти на уступки, ради такого дела. Наживешься ещё одна-то... Подумай.

– Не надо мне никого, – закричала Вера в ответ. – Ничего от тебя не надо! Как жила одна, так и жить буду. Я и так всё хозяйство на себе волоку. От тебя никакого проку нет. Не было путевого мужа – и не надо.

В дверях Влад остановился, посмотрел на Веру вопросительно и удивленно.

– Может, передумаешь?

– Шагай давай, – со слезой в голосе проговорила Вера.

Признательность

Когда в Красноярское лесничество приехали первые иностранцы с лицензиями на отстрел диких животных – к ним сразу стали относиться примерно так же, как принято в России относиться к самому высокому начальству. Два дюжих лесника и лесничий сопровождали их всюду, как заурядные денщики, а директор лесхоза считал своим долгом навестить их в лесу на пасеке, пожать им холеные руки, поинтересоваться с улыбкой, как идут дела. В общем – весь лесхоз был занят важными гостями две недели. И никому не показалось это странным, никого не озадачило. Шутка ли сказать – по две тысячи долларов за лося иностранцы отвалили, по пятьсот за глухаря.

В одной из партий с иностранцами, где преобладали русоволосые немцы, три дня плутал по лесам Сергей Иванович Чернышев – пентюхинский лесник. Немцы били глухарей, восторгались вятской глухоманью, ловили рыбу в лесных озерах, а Сергей Иванович был у них на подхвате. Где костер им раздует, где ушишку сварганит, где рассмешит чем-нибудь сравнительно безобидным.

Главный немчура отвалил ему за услуги в конце охоты целых пять долларов. Сергей Иванович остался очень доволен, правда, толком не знал, куда ему в Пентюхино с этими долларами деваться, но всё равно чувства признательности скрыть не смог. Долго руку жал важному германцу, кланялся и улыбался изо всех сил, так, что правая щека занемела от напряжения и стала подергиваться.

В последний вечер директор лесхоза организовал для всех прощальный ужин. Привез откуда-то пять бутылок водки, хлеба, сыру и колбасы под странным названием «Краковская». Немцы, конечно, развеселились, но много пить не стали – поскромничали, видать, а местные лесники не упустили момент – накушались. Под хорошую-то закуску кто же из русских людей откажется от культурной выпивки на природе, да еще за казенный счет. Вот и Сергей Иванович за летний вечерок, по-стариковски, не спеша, две бутылки прибрал. Роба у него после этого, как водится, покраснела, а голова, ну несколько не затуманилась, и по этой причине чувство признательности из неё не исчезло. Очень захотелось Сергею Ивановичу расцеловать всех немцев по очереди, руки ещё раз пожать по-свойски, так, чтобы искры из глаз; поговорить по душам, песни попеть, но вот беда – не понимали они по-русски ни бельмеса. Переводчиком при них был какой-то ветхий старик, бывший школьный учитель, который из-за сильного склероза половину немецких слов позабыл. Да и не выпил он ни рюмки за весь вечер. Разве такой человек сможет душевный разговор правильно перевести.

А важный немец очень Сергею Ивановичу понравился. Очень! Этот немец каждое утро в лесу всех раньше вставал – физкультурой занимался; бриться к ручью ходил, поигрывая блестящим зеркалом, и зубы чистил два раза в день. Исключительной культуры человек. И, скорее всего, миллионер. Миллионеры – они все породистые.

При расставании Сергею Ивановичу очень захотелось сделать для него что-нибудь приятное. Так захотелось, что мочи нет.

И вот, когда немцы уже садились в машину, чтобы уехать в свою далекую богатую страну и все лесхозовское начальство подобострастно прощалось с ними – Сергей Иванович вдруг вскочил со своего места на обочине дороги, вытянулся во фронт, приложил заскорую ладонь к козырьку лесниковской фуражки и что есть мочушки гаркнул:

– Хай Гитлер!

Ошарашенные немцы даже присели от неожиданности. Потом озадаченно посмотрели друг на друга и, смутившись от внезапной неловкости, как-то огорченно-вежливо забормотали по-своему:

– Ау... фидер зеин.

Заувея

Небольшой городок под странным названием Заувея с давних пор располагался в глухих лесах европейской России, где-то между Камой и Вяткой, и был знаменит лишь тем, что на здешнем ликероводочном заводе выпускалась приличная водка с характерным названием «Вятский лес». В старинных летописях название городка не упоминалось, в памятниках культуры он не значился, зато большинство местных жителей почему-то считали себя потомками Ермака, так как носили фамилию Ермаковы.

В 1995 году сюда приехал с севера бывший шахтер Павел Васильевич Уткин – мужчина среднего роста, слегка полноватый, сутулый и замкнутый, который сразу же удивил местных жителей тем, что купил в центре города огромный деревянный особняк дореволюционной постройки с четырьмя гипсовыми колоннами по фасаду, мансардой и высоким крыльцом с чугунными витыми перилами.

После этой покупки обыкновенные жители городка стали относиться к приезжему шахтеру с уважением, памятуя о том, что дом этот принадлежал когда-то купцу Алексею Маслоу, который был женат на актрисе Ольге Капилец – той самой женщине, которая впоследствии стала видной журналисткой, в двадцатые годы уехала за границу и умерла в Лозанне.

Откровенно говоря, этот дом был уже довольно старый, имел печное отопление, высокие потолки и такие же высокие окна, из которых осенью и зимой почему-то несло жутким холодом.

В нижнем этаже купеческого дома располагались четыре комнаты, заполненные громоздкой мебелью тёмного цвета, которая казалась никуда не годной из-за своей давно устаревшей формы. В одной из комнат стоял облупившийся бильярд, в другой – дубовый секретер, в третьей – диван с древней кожаной обивкой, твердой, как бивень мамонта. Кроме мебели в огромных комнатах было ещё три печи, украшенных синими изразцами, дубовая лестница на второй этаж и массивная кованая дверь в подвал, всегда запертая большим амбарным замком.

Ближе к осени в доме стало прохладно, печи пришлось затопить, и только после этого Павел Васильевич понял, какую глупость он совершил, купив этот дом. Огромные печи купеческого дома пожирали сухие дрова с пугающим аппетитом, таинственно гудели где-то внутри, а нагревались, между тем, очень медленно, наполняя комнаты не теплом, а какой-то древней осенней меланхолией.

Ближе к зиме в старом купеческом доме Павлу Васильевичу сделалось одиноко и грустно, особенно после того как выпал первый снег, а потом растаял и превратился в блестящую скользкую кашу, прилипающую к подошвам сапог. Не скрашивал одиночества даже запущенный сад за окном, чьи корявые ветви поднимались до окон второго этажа.

Чем короче, чем холоднее становились дни, тем тягостнее делалось одиночество старого шахтера. Должно быть поэтому, когда однажды вечером в жилище Павла Васильевича появилась кошка – у него сразу потеплело на душе. Хоть какое-то живое существо в сумрачном доме. «Пусть живет, – решил он, – в такой вместительной хоромине места всем хватит». И, несмотря на то, что кошка выглядела более чем невзрачно, Павел Васильевич тут же простил ей все её недостатки, даже то, что она постоянно сидела на подоконнике и сонно смотрела в сад, высунув кончик языка. Она была трехшерстная, худая и подслеповатая. Мяукать, как положено она уже не могла, только жалобно открывала рот и протяжно хрипела. Или поднималась на задние лапы возле стола, цеплялась тупыми когтями за скатерть и перебирала лапами, выпрашивая еду. Зато съесть могла удивительно много. А наевшись, уходила в подполье и справляла там все свои кошачьи надобности с характерным громким звуком.

К котам эта кошка была равнодушна, на мышей смотрела с безразличностью, и вообще вела созерцательный образ жизни, отстраненно наблюдая за всем происходящим как бы со стороны.

В какой-то момент Павел Васильевич решил, что она, должно быть, тоже пенсионерка, тоже в годах, и полюбил её ещё больше, потому что почувствовал в ней родственную душу. Вместе они дожили до весны. А весной в доме появилась собака. Также пришла неизвестно откуда. Надо сразу сказать, что приبلудная псина была невзрачная и немолодая. Не гончар, не овчарка, а какая-то странная помесь между этими двумя благородными породами. В первый момент Павел Васильевич решил было эту собаку прогнать. Ну, для чего ему старая беспородная псина, на самом деле? Но потом неопределённо махнул рукой и неожиданно для себя решил: «Пусть живет, дом большой – места всем хватит». Тем более что собака оказалась безобидная и понятливая. На прохожих без нужды не лаяла, ни на кого просто так не кидалась. Только лениво разгуливала по саду и с унылой задумчивостью смотрела по сторонам, как будто хотела что-то важное вспомнить, но не могла.

Постепенно Павел Васильевич пристрастился к прогулкам по саду вместе с собакой. Пообедает, наведет какой-нибудь еды в пластиковом ведре и выходит в сад прогуляться. А собака уже бежит к нему, радостно размахивая рыжим хвостом, вертится под ногами, пока он шагает до собачьей миски, терпеливо ждет пока выльивает, а потом принимается есть и забывает обо всем. Самозабвенно ест, аппетитно, как Павел Васильевич ел в далекой юности. И в саду с собакой Павлу Васильевичу стало не скучно. Она всегда чем-нибудь занята. Всё видит, всё замечает, на всё обращает внимание. Не ускользнет от неё ни падающий лист, ни сидящая на заборе ворона.

С кошкой и собакой в доме стало заметно веселее. Потом, правда, оказалось, что собака когда-то имела хозяина, но старый хозяин после смерти жены жутко запил, промотал всё вместе с домом и проживал сейчас, где придется. Большею частью в тростнике возле болота, где огромные бобриньи норы и старая полуразвалившееся баня. Он несколько раз приходил к собаке, гладил её по крупной голове, говорил, что завидует ей. Она нашла себе пристанище, а ему совсем негде приткнуться.

Первое время Павел Васильевич старался быть с плешивым бродягой построже. Грубо с ним разговаривал, не подпускал слишком близко к душе. Думал, что он станет на пиво просить или на ночь пристроится где-нибудь в дровянике, но к счастью ошибся. Бродяга оказался совершенно безобидным. Павел Васильевич смотрел – смотрел, как он без своего угла мается, и не выдержал. Пригласил его к себе на жительство, а про себя подумал: «Дом большой, места всем хватит».

Теперь теплыми вечерами Павел Васильевич и деревенский бродяга подолгу задерживались на просторной веранде. Пили чай и беседовали. Хотя, если честно сказать, собеседник из пришедшего мужика был неважнецкий. Он только слушал да вздыхал, а Павел Васильевич говорил, радостными глазами поглядывая на пышную зелень за окном. Причем, чем мудрее была его речь – тем вдохновеннее. В бывшем шахтере под старость лет проснулось что-то философское, и наличие внимательного слушателя было для него сейчас как нельзя кстати.

Иногда на веранде собиралось сейчас всё семейство Павла Васильевича: кошка, собака и беспризорный мужик Иван. Кошка, как всегда, сидела на подоконнике, высунув кончик языка. Собака лежала на полу возле порога, положив флегматичную морду на перекрестье лап. Иван располагался в старинном кресле с сонным лицом.

Если честно признаться, Иван был мужик невзрачный, худой, глуховатый, очень рано состарившийся. Половину лица у него занимала рыжая с проседью борода, а другая половина была землистого цвета с темными крапинками, но большого отвращения не вызывала. Над маленькими глазами нависали пышные брови, создавая густую тень, так что взгляд у Ивана всегда казался немного хитроватым, хотя, скорее всего, иронии в нём не было никакой. Так – сплошная созерцательность.

Иван ложился спать рано, рано и поднимался. Шаркая подошвами, выходил на крыльцо, садился на верхний приступок и смотрел на восток. Любил тот момент, когда из-за леса на горизонте появляется солнце. Рядом с Иваном иногда устраивался пес с печальными глазами, приходила кошка с высунутым языком, а кое-когда появлялся и сам хозяин дома с озабоченным видом. Он любил поспать по утрам и не понимал людей, готовых пожертвовать сном ради зрелища. Хотя в середине лета даже запущенный сад перед домом мог показаться великолепным – настолько много в нем было всего: и густой серебристый малинник, и пахучая смородина, и высоченная крапива вдоль забора, и одинокий большелопатый репей возле бани.

А однажды утром в конце сада появилась женщина такая же невзрачная, как Иван, такая же скуластая и такая же немолодая. Иван пояснил, что это его сестра идет, хотя Павел Васильевич и так уже догадался.

Женщина подошла и села рядом со всеми на крыльце. Сказала, что проходила мимо и решила заглянуть просто так. Ей ничего не нужно, только с братом немного поговорить и всё. Вот сейчас поговорит и уйдет. И Павел Васильевич сразу догадался, что она пришла неспроста, что у неё есть какой-то свой тайный план. Вот только стоит ли этого плана опасаться – не мог для себя решить. На всякий случай пригляделся к ней получше...

Собственно, ничего особенного – баба как баба, только слегка полноватая. Русая или рыжеволосая сразу не поймешь. Зад узкий, плечи широкие, очень короткая шея. Вот только глаза совсем не такие, как у Ивана. Синие глаза и довольно большие, с загадочной грустинкой где-то внутри.

Женщину звали Зинаидой. Она стала приходить всё чаще. Мыла полы, протирала мокрой тряпкой громоздкую мебель, что-то переставляла, поливала, облагораживала. Потом задержалась на целый день и приготовила сытный, хотя и простоватый обед. Потом собрала ужин. После ужина осталась пить чай на просторной веранде, слушала умные разговоры Павла Васильевича и смотрела в запущенный сад с загадочной полуулыбкой на скуластом лице.

В общем, так получилось, что однажды утром Павел Васильевич обнаружил Зинаиду рядом с собой на просторной кровати. Вспомнил вчерашний вечер во всех подробностях и ощутил внизу живота приятную ноющую пустоту, как когда-то в далекой юности. Подумал, что он ещё нестар и женщина, лежащая рядом с ним в постели выглядит не такой уж массивной, как ему показалось в первый момент. Ну, конечно, она немолода, да и плечи

у неё излишне широкие, пальцы на руках огрубели от тяжелой работы, но, не смотря на это, осталось в ней что-то манящее, теплое и родное, без чего настоящему здоровому мужчине сложно обойтись...

С этого дня в старом купеческом доме воцарился порядок. То есть у каждого жителя в нем появились свои обязанности и свои права. Зинаида как-то очень быстро вошла в роль хозяйки дома и уже довольно скоро все его постояльцы это почувствовали. А одной из первых, естественно, кошка. Досталось ей и за лень, и за старость, и за сонный вид. Сначала её миска перекочевала в сени, потом – на улицу, а потом и сама кошка куда-то запропастилась. Павел Васильевич хватился её не сразу, так как целыми днями сейчас работал в саду. Перекапывал междурядья под яблонями, возил на скрипучей тележке коровий навоз от соседей, менял гнилые доски в заборе, окружающем сад. К вечеру сильно уставал и не чувствовал в душе ничего, кроме странной апатии. О философских беседах на просторной веранде сейчас даже речи не было. И былая созерцательность исчезла куда-то.

Павел Васильевич стал замечать, что Зинаида подолгу задерживается возле кованной двери в подвал, проверяет на прочность замок, всем видом своим давая понять, что ей очень хочется туда попасть. Узнать, что там находится. Хотя ни замком этим, ни дверью никто до неё не интересовался.

Немного погодя приبلудную псину Зинаида посоветовала посадить на цепь возле калитки. Пусть собака своим делом занимается – дом сторожит.

Несколько дней Павел Васильевич решению пришедшей жены противился, а потом купил цепь, смастерил из брючного ремня ошейник и приковал собаку к забору. Чего уж теперь. Не ссорится же из-за обычной собаки с бабой. Как-то неудобно. Правда, после этого некрасивая псина стала жалобно выть по ночам и плохо ела, но порядок есть порядок. К тому же, гулять по саду летними вечерами после трудового дня у Павла Васильевича сейчас не было сил, а сидеть на веранде можно и без собаки. Было бы с кем поговорить на отвлечённую тему, было бы кому пожаловаться на свою беспросветную жизнь.

В последнее время Павел Васильевич стал замечать, что Иван слушает его речи с каким-то странным сочувствием, с тревожным ожиданием в глазах. Павел Васильевич не мог понять, что в них. Но однажды всё прояснилось. Иван сказал, что сестра у него стерва, и нечего обращать на неё внимание. Надо просто прогнать её поскорее, да и дело с концом. А то, не ровен час, она их всех из этого дома выселит. Павел Васильевич удивленно посмотрел на Ивана, даже согласился с ним в душе, но ничего ему не ответил. Решил, что не похристиански это, не по-человечески. Так нельзя. Сначала приласкал бабу – потом выгнал. Сначала наобещал три короба – потом не исполнил.

И всё было бы хорошо, если бы новая жена об этом разговоре ничего не узнала. Но Павел Васильевич почему-то ей всё рассказал. Не привык ничего от любимых женщин скрывать. Посчитал, что это неудобно. Они же теперь одна семья, одно целое... А на следующий день был неприятно удивлен странной тишиной в доме. Попробовал позвать Ивана, но тот не откликнулся. И на крыльце утром его не нашел, и возле пруда на заросшем осокой берегу, его не докричался... Иван как сквозь землю провалился. Павел Васильевич походил, поискал его в саду под яблонями. Но напрасно. Нигде Ивана не было.

Потом старый шахтер решил, что Иван ушёл куда-нибудь по своим делам и к обеду вернётся. До вечера ни о чем не спрашивал у жены, всё ждал, что она сама ему обо всем расскажет. Но зря. Ничего она ему объяснять не захотела.

Вечером на веранде Павел Васильевич сидел мрачный, как туча. И впервые за эти дни странное ощущение возникло у него в душе, будто он чужой в этом огромном доме. Будто у него здесь нет ничего своего. И сам он тут никому не нужен, – тоже чужой. И такая тоска,

такая досада овладела им, что он, толком не понимая, что делает, пошел собирать чемодан. «Уезжать отсюда надо, пока не поздно, – вертелось в его голове, – уезжать как можно скорее». И только когда все вещи собрал, вдруг спохватился. Зачем уезжать? Куда? Ведь это его дом. Он тут хозяин. А его нынешней жене, этой коварной женщине, здесь ничего не принадлежит. Пусть она рот на его дом не развевает. Пусть сама уходит.

Но когда, собравшись с духом, он попросил её оставить его одного – она закатила ему такую сцену, от которой он долго не мог опомниться.

– Значит, теперь я стала тебе не нужна, – закричала Зина обиженно, – когда все дела в доме приделала, всё промыла, прочистила, промела. Когда все овощи на гряды высадила, ополола, окучила. После этого ты решил меня на улицу выкинуть, как паршивую кошку. Избавиться от меня решил... Молодец! Так мне и надо! Сама во всем виновата. пожалела тебя дурака, решила, что ты человек серьезный... Так мне дуре и надо!

– Дело не в этом, – перебил её Павел Васильевич.

– А в чем же тогда?

– Просто у нас с тобой интересы разные. Я хочу жить как прежде, а ты мне не позволяешь. Свободу мою ограничиваешь.

– А ты, значит, хочешь лежмя лежать на печи? Ты ничего по хозяйству делать не хочешь? Чтобы в доме псарня была, грязь и беспорядок? Этого ты хочешь?

– Нет. Я хочу жить, как раньше жил. Больше ничего.

– Но сейчас-то, чего тебе не хватает, никак не пойму?

– Гармонии, – вдруг нашел подходящее слово Павел Васильевич. – Вот не было тебя в нашем доме, и был я в нем хозяином. Кошек и собак привечал. Хорошему человеку с жильем помог. Все мне были рады, все меня понимали. И от этого в душе у меня был покой. А сейчас я каждый день должен чем-то доказывать, что ем свой хлеб не напрасно.

– Значит, жить на земле – и огород не копать, картошку не садить. Смотреть, как земля сорняками зарастает? Так, что ли?

– Может это и глупо... Только я так хочу. Понимаешь? Никуда не торопиться, ничего не планировать. Просто жить и всё, и больше ничего.

– Ну и живи, как хочешь. Леший с тобой!

– А ты?

– Я так жить не могу. У меня сердце кровью обливается, когда я такое запустение вижу. Такой беспорядок. Это ж надо – держать в доме кошку без зубов, которая мышей не ловит. Собаку, которая от старости ничего не видит, старика, от которого мочой пахнет... Нет, я так не могу. У меня сердце кровью обливается. Я лучше уйду...

– Уходи, – тихо проговорил Павел Васильевич.

И она ушла.

А после этого, буквально через день, вернулся домой Иван в стельку пьяный, но очень довольный, потому что кошку Муську нашел.

Кошка уселась между гераней на подоконнике, высунула свой красный язык и присидела так до самого вечера, глядя вдаль стеклянными глазами. А когда Павел Васильевич погладил её по голове, она сонно посмотрела на него, промурлыкала что-то ласковое, и от избытка благодарности выгнула спину дугой.

В тот же вечер Павел Васильевич отвязал от забора исхудавшего пса. Пес признательно заскулил, метнулся куда-то в кусты одичавшей вишни и принес оттуда дохлую крысу в знак благодарности.

Потом, когда Павел Васильевич, удобно разместившись у телевизора смотрел кино, по серой стене рядом с ним сверху вниз прошелся какой-то мохнатый огромных размеров паук, так что Павлу Васильевичу пришлось немного посторониться, чтобы дать ему дорогу. Павел Васильевич по инерции поднял было руку, чтобы прихлопнуть противного паука,

но в последний момент решил этого не делать. А вдруг это и не паук вовсе? Вдруг это душа его дедушки Никона? Дедушка Никон в старости был такой же сухой волосатый и неразговорчивый...

На следующее утро все постояльцы большого барского дома встречали солнце на ступеньках крыльца. Сбоку, возле чугунной ограды сидел Павел Васильевич в синей футболке и белых кальсонах. Рядом с ним разместился, пропахший мочой и чесноком Иван. Рядом с Иваном – подслеповатая беспородная псина, а дальше – беззубая кошка, от которой если честно признаться тоже слегка пахивало чем-то тухленьким

Я работаю бухгалтером

Я работаю бухгалтером. Прихожу в контору к восьми часам, не спеша, прочитываю вес газеты, которые принесли к нам вчера, внимательно изучаю бумаги на своем столе и начинаю разносить по карточкам различные счета. Я делаю это очень аккуратно, так что сальдо па конец месяца у меня всегда такое же, как у главного бухгалтера в контрольном журнале. Вчера она меня даже похвалила за хорошую работу. Сказала, что я у неё самый лучший помощник. Она это сказала потому, что я ни от какой работы не отказываюсь, лишь бы было чем заняться. Я печатаю на компьютере платежные поручения и требования, я помогаю ей искать в различных ведомостях старые ошибки, составляю бумаги в налоговую службу, ведомости по начислениям в фонд социального страхования и так далее.

Если честно сказать, наш главный бухгалтер мне нравится. Ей ещё совсем немного лет, она довольно стройна, хотя не высока ростом. Ей очень идут очки в золоченой оправе. А ещё она как-то очень изящно разговаривает по телефону и при этом всегда смотрит на меня с загадочной полуулыбкой. Иногда мне кажется, что я ей нравлюсь и между нами уже что-то есть. Я даже готов при случае поцеловать её куда-нибудь в щеку, только это должно остаться между нами, потому что она замужем, а я женат.

Правда, в нашей конторе работает ещё одна соблазнительная женщина. Она сидит не так далеко от меня, и поэтому я всегда её вижу. Это бухгалтер по зарплате Вера Павловна. Глаза у Веры цвета морской волны, а волосы тёмно-русые, крупными завитками ниспадающие до плеч. Вера Павловна не любит скучать и поэтому часто рассказывает нам что-нибудь смешное. Рассказывает и смеётся, хотя иногда я не могу понять, от чего. Но для приличия мы все слушаем её и улыбаемся. Мы стараемся понять друг друга. Это объединяет.

Зарабатываем мы немного, но умеем со вкусом одеться, и поэтому выгодно отличаемся от тех людей, кто работает на нашем предприятии, но не в конторе. Хотя таких сейчас мало... У нас всего шесть человек рабочих. Это потому что никакой готовой продукции мы не производим. Мы только подрабатываем, сушим и храним зерно. У нас Хлебоприёмное предприятие.

Как я уже говорил, первую половину дня я обычно читаю газеты и рассуждаю о чем-нибудь милом с женщинами из нашей конторы. Я умею непринужденно шутить и рассказывать анекдоты. И мне, порой, кажется, что все окружающие меня женщины именно это во мне и ценят больше всего. Вообще, я давно заметил, что молодые женщины любят людей веселых и остроумных, с которыми легко можно скоротать безделье. А в нашей конторе настоящей работы на всех как-то слишком явно не хватает.

Часа за два до обеда мы обычно пьем чай, собираясь в кружок возле пакета печенья или пряников. Шутим, жуем и смотрим в окно на заснеженную улицу. На улице хотя и холодно, но уже не так мрачно. Всё-таки середина марта. В ясную погоду там весело парятся, оттаявшие возле конька тёмные крыши соседних домов. Кое-где на ветвях берез, ссутулившись, сидят сонные грачи и ворчливые местные вороны.

Перед самым обедом солнце поднимается так высоко, что начинает отражаться от белого подоконника, который сбоку от меня. Оно слепит глаза и, вместе с тем, слегка греет. Я закрываю веки, подпираю рукой гладко выбритый подбородок и начинаю думать о близкой весне, которая всегда меня воодушевляет, настраивает на что-то хорошее. Я не хочу спать, но глаза мои почему-то слипаются, уши закладывает ватой, шея слабеет. Я начинаю клевать носом, потом спохватываюсь – делаю внимательные глаза, но всё тщетно.

– Андрей сегодня опять, на ходу засыпает. Видно, молодая жена уснуть не давала, – пошло шутит кто-нибудь из конторских.

Все смотрят на меня и ехидно хихикают. Мне становится не по себе, и я начинаю умоляюще поглядывать на главбуха. Она меня понимает.

– Ну, что вы девки зря парня смущаете, – говорит она и строго стучит концом шариковой ручки по столу.

Девки умолкают, а она ободряюще улыбается мне.

Ну вот, что я говорил. Я ей, определённо, нравлюсь, иначе, почему бы она стала за меня заступаться. Она со мной заодно. Да если к ней толком приглядеться – она ещё не так стара. То есть, вовсе даже не стара, и фигура у неё прекрасная и глаза игривые, и взгляд лукавый. Не всякая молодая женщина так свежо выглядит. Вот выберу подходящее время и скажу ей какой-нибудь неожиданный комплимент, или цветы подарю. Или лучше заману её в кладовку, где хранятся пыльные отчеты за пять последних лет, как бы случайно обниму и поцелую – да так, чтобы голова закружилась. А потом – будь, что будет.

Весной я на всех симпатичных женщин смотрю с каким-то особым чувством. У одних мне нравится фигура, у других – глаза, у третьих – волосы. Весной у меня такое чувство, будто все красивые женщины пытаются меня соблазнить, а я как бы ненароком поддаюсь их соблазнам. Я не сопротивляюсь. Пусть порадуются своим успехам. Пусть наслаждаются... Весной неистовая мужская сила меня переполняет – выплёскивается через край. Я чувствую себя молодым растревоженным тигром, упруго ступающим по мягкой лесной подстилке, изнемогающим от собственной мощи, которая не знает преград. И я не думаю, что это дурно. Это хорошо. Ведь мне ещё только тридцать пять. Я высок, медлителен и смугл. Мои серые глаза задумчиво-романтичны, щеки бледны, а губы красиво очерчены. Пожалуй, я нравлюсь женщинам, но вовсе не горжусь этим. Скорее, это меня смущает немного. Это меня сковывает.

На обед я обычно хожу домой. Мы с женой держим козу и кур. Поэтому на обеде я едва успеваю поесть, потому что большую часть времени хожу по хозяйству. Несу козе сена, бросаю зерна курам и только после этого появляюсь на кухне у стола. Ну конечно, домашнее хозяйство в провинции – это вещь вполне закономерная, но когда приходишь домой на полчаса, пытаешься всё успеть и не успеваешь – это угнетает. Особенно, когда жена обижается и начинает указывать мне на какие-нибудь недоделки. Тогда я озадаченно смотрю на неё и не могу понять, за что можно любить эту толстую, неряшливую бабу? Ну конечно, у нас есть дети и это дает ей право надеяться на мою покладистость, но кощунственно думать, будто мое терпение беспредельно.

Хорошо ещё, что вечером я могу отдохнуть с детьми. Они меня любят своей наивной детской любовью. Обычно я лежу на диване перед телевизором, а они лазят по мне, кричат и смеются. Им весело со мной, а мне хорошо с ними. Но когда ко мне случайно подходит

жена – они сразу перестают смеяться и кричать. Они боятся её. Она в доме хозяйка и всё здесь принадлежит только ей.

– Лежит, а воды в бане нет, и по хозяйству ещё ничего не сделано, – спокойно, но с укором говорит жена.

– Сейчас принесу, сейчас всё сделаю, – отвечаю я и срываюсь с места. Ношу воду в баню, дрова к печке на завтрашний день, очищаю дорожки во дворе от последнего снега.

На улице уже звёздно и холодно, так что кончик носа пощипывает. Иногда я останавливаюсь передохнуть где-нибудь в саду под яблоней, сую руки в карманы, стою и думаю о том, что я, вероятное, живу не своей жизнью. У меня было с детства какое-то иное предназначение. Но я его прозевал, прошел мимо, не разглядел – и меня закобалила эта женщина, появившись в роковой момент, пленив меня своим скромным видом и старомодной девственностью. А предназначение, верно, было иное, высокое. Не даром же в детстве я так хорошо рисовал, так легко писал школьные сочинения, так искренне увлекался философией. Будущее рисовалось мне значительным, пролагающим путь к неким творческим вершинам, к мастерству. И теперь мне до слез жаль, что ни одна из детских грез не осуществилась. Всё смяли и смололи тяжелые жизненные колеса. Только временами мне ещё кажется, что я буду жить вечно и всё успею, всё смогу. Но неожиданно, среди ночи, вдруг заболит что-то в левом боку – и иллюзия бессмертия исчезнет. Тело скорчится до размеров испуганной души и совсем некстати вдруг явится осознание того, что ты такой же, как все.

Я люблю солнечные мартовские дни. Бывает, выйдешь из конторы на улицу, а снег так ярко горит, что глаза режет, и такое ощущение в душе, как будто только что проснулся. Всё кругом кажется новым, разноцветным: и синеватые от старости заборы, и дощаной туалет, слегка покосившийся под тяжестью снега, и разноцветные тряпки на проволоке, и конский помет на дороге. Вздохнешь полной грудью влажный весенний воздух, и обдаст тебя вдохновением, как будто выпил стакан красного вина. И вспомнишь вдруг, как когда-то уже давно-давно ступил с крыльца босыми ногами в малиновое летнее утро и стал вдруг совершенно другим человеком, очень ярко чувствующим красоту. То есть, ощутил в себе что-то новое, чего до сей поры не замечал.

Вернувшись с холодной улицы в тёплую контору, я дочитал вчерашние газеты и стал потихоньку засыпать. Как вдруг главному бухгалтеру позвонил какой-то важный начальник из района и сказал, что скоро у нас объявится ревизор из Федеральной Налоговой Службы.

Его, как водится, не ждали. Моя сонливость моментально улетучилась, да и все остальные женщины в нашей конторе сразу нашли себе работу. От показного усердия лица у всех стали деревянные, а щеки покраснели.

Ревизор появился у нас через час. Это была женщина. Как только она вошла в бухгалтерию, так сразу сообщила, что наш район давно не выполняет план по прибыли. После того как спиртоводочный завод в Красноярске по ошибке закрыли – район потерял налогов на двести миллионов рублей, тогда как все остальные промышленные предприятия дают только сорок два. И вообще, в последнее время у главных финансистов района такое впечатление, будто всё движется к упадку, всё разрушается и гибнет.

Я пригляделся к этой женщине повнимательнее, и... она мне очень даже понравилась. На вид ей было лет тридцать семь – тридцать восемь. Она была высока, красива, но слегка полновата. Хотя некоторым женщинам такая полнота очень даже к лицу. И на стуле она сидела, красиво прогнувшись в спине, как будто перед кем-то позировала. И волосы у неё были удивительно пышные. Они отсвечивали на солнце охрой и медью. В общем, через какое-то время я стал испытывать к ней почти физическое влечение. И когда она неожиданно ушла с директором в его просторный кабинет – я почувствовал, что меня обокрали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.